

Е. Голубинский

**К нашей полемике со
старообрядцами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е11

Е11 **Е. Голубинский**
К нашей полемике со старообрядцами / Е. Голубинский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2014. – 282 с.

ISBN 978-5-458-55886-0

ISBN 978-5-458-55886-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ

СЪ

СТАРООБРЯДЦАМИ

(ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ КЪ ПОЛЕМИКЪ ОТНОСИТЕЛЬНО
ОБЩЕЙ ЕЯ ПОСТАНОВКИ И ОТНОСИТЕЛЬНО ГЛАВНѢЙШИХЪ
ЧАСТНЫХЪ ПУНКТОВЪ РАЗНОГЛАСІЯ МЕЖДУ НАМИ И СТА-
РООБРЯДЦАМИ).

Е. Голубинскаго,

ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ (бывшаго заслуженнаго ординарнаго
профессора Московской Духовной Академіи).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,
напечатанное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.—1905.

Типографія Общества распространія полемикъ книгъ, аренд. В. П. Вороновымъ,
Мохвалъ, противъ манасти, д. кв. Гагарина.

Побужденіемъ къ написанію предлагаемыхъ статей служило для меня желаніе указать на необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ постановкѣ полемики со старообрядцами, а также желаніе сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія въ области и самой полемики.

Современное, значительное противъ прежняго, расширеніе относящихся къ полемикѣ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній дѣлаетъ неизбежными нѣкоторыя поправки въ ея постановкѣ. А поэтому я позволяю себѣ питать увѣренность, что оказываю ей своими статьями благовременную и добрую услугу

(Относительно совершенно несправедливаго и по качеству далеко не красиваго обвиненія, взведеннаго на меня нѣкоторыми присяжными полемистами противъ раскола, будто свои статьи я писалъ въ пользу старообрядцевъ, сдѣланы мною объясненія въ отвѣтахъ на статьи священника С. Ледовскаго и покойнаго о. протоіеря І. Г. Виноградова, которые перепечатаваю ниже).

Е. Голубинскій.

12 апрѣли 1905.

А.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ.

І.

Что было причиною возникновенія у насъ раскола старообрядства? *)

Въ половинѣ XVII вѣка, передъ восшествіемъ на патріаршій престолъ Никона, мы—русскіе нѣсколько рознились съ греками относительно церковныхъ обрядовъ и обычаевъ, а равнымъ образомъ и богослужебныя книги наши не совсѣмъ согласны были съ книгами греческими. Никонъ по своемъ восшествіи на патріаршій престолъ рѣшилъ привести насъ къ соглашенію или въ согласіе съ греками относительно обрядовъ и обычаевъ, а равно и богослужебныя книги наши исправить по книгамъ греческимъ. Это рѣшеніе патріарха Никона и вызвало у насъ расколъ такъ-называемаго старообрядства: нашлись люди, которые подняли протестъ противъ соглашенія насъ съ греками въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ и которые въ концѣ-концовъ и отдѣлились отъ церкви, чтобы образовать свое особое схизматическое или раскольническое общество (**).

*) Эта статья была напечатана въ издаваемомъ Московской Духовной Академіей журналѣ Богословскій Вѣстникъ, въ январской книжкѣ 1892-го года.

**) Раскольники наши протестуютъ противъ названія ихъ раскольниками и требуютъ, чтобы ихъ называли старообрядцами. Но ихъ протестъ и требованіе вовсе неосновательны. Такъ какъ раскольникъ (*σχισματικός*, схизматикъ) есть названіе общее или родовое, означающее всѣхъ людей, отдѣляющихся отъ церкви изъ-за какихъ-нибудь частныхъ причинъ извѣстнаго свойства и характера или извѣстной важности (Василія Великаго каноническое правило 1): то, конечно, они не просто раскольники, а раскольники старообрядцы (точнѣе было бы—инообрядцы, особообрядцы, а не было бы совсѣмъ неправильно и несправедливо и —новообрядцы, такъ какъ въ ихъ разностяхъ съ нами есть и новшества). Но

Что же значилъ этотъ протестъ противъ соглашенія насъ съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ? Неужели у насъ были люди, которые требовали, чтобы мы, будучи одной вѣры съ греками и заимствовавъ вѣру и книги именно отъ нихъ, имѣли особыя отъ нихъ обряды и обычаи и чтобы богослужебныя книги наши были несогласны съ ихъ книгами? Такихъ людей у насъ вовсе не было, напротивъ всё у насъ вполне признавали, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, а что книги наши должны быть согласны съ книгами греческими, и какъ Никонъ предпринялъ свое исправленіе нашихъ обрядовъ и книгъ во имя того принципа, что въ отношеніи къ однимъ и другимъ мы должны быть согласны съ греками, такъ и поднявшіе протестъ противъ исправленія сдѣлали это во имя того же самаго принципа нашего согласія съ греками. Такое весьма странное и непонятное съ перваго взгляда явленіе, что во имя одного и того же принципа и предпринято было Никономъ исправленіе обрядовъ и книгъ и поднятъ былъ противъ его исправленія протестъ, поведшій къ образованію раскола старообрядства, объясняется тѣмъ, что Никонъ и протестовавшіе не одними и тѣми же, а совсѣмъ разными глазами, смотрѣли на современныхъ имъ грековъ. Нѣкоторое несогласіе наше съ греками въ обрядахъ было дѣломъ давнишнимъ и у насъ очень хорошо знали о немъ и прежде Никона; но у насъ давно составилось я вплоть до него—Никона существовало убѣжденіе, что вина въ семь случаевъ не на насъ русскихъ, а на грекахъ. У насъ составилось убѣжденіе, будто мы—русскіе неизмѣнно сохранили обряды и обычаи, а равно и книги, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получили ихъ вмѣстѣ съ христіанской православной вѣрой отъ древнихъ грековъ, и будто напротивъ сами позднѣйшіе греки, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, привнесли въ обряды съ обычаями и въ книги еретическія и погрѣшительныя новшества, которыя отчасти заимствовались отъ латинянъ, а отчасти создали себѣ сами, своимъ произволомъ, или же подъ вліяніемъ ита турецкаго. Убѣжденіе это было у насъ до Никона общепринятымъ убѣжденіемъ. Никонъ при-

они дѣйствительно раскольники, и если у насъ принято и вошло въ обычай называть ихъ просто этимъ послѣднимъ именемъ безъ прибавленія старообрядцы, то понятная причина сего есть та, что у насъ нѣтъ другихъ раскольниковъ, что дѣлало бы нужнымъ частнѣе обозначеніе. А если раскольники заявляютъ претензію, чтобы мы, называя ихъ старообрядцами, не соединяли съ этимъ понятіемъ раскольникъ или не считали ихъ за раскольниковъ: то претензія равносильна тому, чтобы самыхъ себя мы признали за раскольниковъ (ибо между нами двоими кто-нибудь да раскольникъ, а не обоимъ мы одинаково православны, что невозможно).

веденъ былъ и пришолъ къ сознанию ошибочности и неосновательности убѣжденія, и во имя того принципа, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ книгахъ, ояъ и предпринялъ свое исправленіе, т. е. исправленіе обрядовъ и обычаевъ по современнымъ ему обрядамъ и обычаямъ греческимъ и исправленіе книгъ по современнымъ ему книгамъ греческимъ. Вслѣдствіе заявленій и представлений Никона было перемѣнено убѣжденіе о грекахъ и признана была необходимость его исправленія большинствомъ представителей русской церкви, а за большинствомъ представителей церкви послѣдовало большинство ея членовъ. Но нашлись отдѣльные люди, которые не хотѣли и не могли перемѣнить убѣжденія о современныхъ имъ грекамъ; эти-то отдѣльные люди во имя того же самаго принципа, что мы должны быть согласны съ греками, при чемъ подъ греками, отдѣляя древнихъ грековъ отъ позднѣйшихъ, они думали разумѣть первыхъ, и подняли протестъ противъ Никонова исправленія.

Но какимъ же образомъ могло случиться это, повидимому, совершенно непонятное, чтобы безъ всякой дѣйствительной причины предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими и погрѣшительными новшествами?

Причину кажущагося непонятнымъ и до такой степени своеобразно характеризующаго нашу исторію и нашу церковную жизнь явленія составляетъ то, что предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, составили себѣ особые взгляды на обычаи церковные и что къ тому времени, какъ эти особые ихъ взгляды соарѣли, нѣкоторые обычаи оставались еще многообразными (собственно — двуобразными) у грековъ, а вслѣдъ за ними и у насъ, а что другіе обычаи, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще сдѣлаться таковыми именно у насъ.

Обычай есть то, что входитъ въ употребленіе и остается въ употребленіи безъ положительнаго письменнаго закона (у юристовъ: *ἔθος νόμος ἀγραφος*, обычай—неписанный законъ). Но относительно чего нѣтъ положительнаго письменнаго закона, то можетъ существовать въ употребленіи (какъ не опредѣленное прямо письменнымъ закономъ) однообразно, можетъ существовать и не однообразно *). Такъ и обычаи церковные, представляя собою именно обычаи, существовавшіе въ употребленіи безъ письменныхъ относительно нихъ заа-

*) Относительно чего напр. есть письменный законъ у насъ въ Россіи, то на всемъ пространствѣ государства существуетъ однообразно, а относительно чего нѣтъ письменнаго закона, то въ однихъ мѣстахъ можетъ быть такъ, въ другихъ иначе, и въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ можетъ быть такъ и иначе.

коненій (которыя уже превращали бы ихъ наъ обычаевъ въ дѣло узаконенное), могли существовать въ употребленіи однообразно, т. е. въ одной только формѣ или одномъ видѣ, а могли существовать и не однообразно, т. е. не въ одной формѣ или одномъ видѣ, а въ нѣсколькихъ. На самомъ дѣлѣ было такъ, что иные обычаи существовали однообразно, другіе не однообразно. Церковная власть посредствомъ своихъ письменныхъ узаконеній, конечно, могла бы придать однообразіе тѣмъ обычаямъ, которые существовали въ употребленіи не однообразно. Но неоднобразіе формы или вида иныхъ обычаевъ представляло собою дѣло безразличное, такъ какъ одинаково приемлеы были одні и другія вопедшія въ употребленіе формы; регламентировать же нарочитымъ образомъ то, что было дѣломъ безразличнымъ, церковная власть не поставляла своей задачей *).

Между тѣмъ предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, составили себѣ такой взглядъ на обычаи церковныя, который не допускалъ, чтобы какой-либо обычай могъ существовать не въ одной формѣ, а въ нѣсколькихъ формахъ. Простой, необразованный человѣкъ обыкновенно придаетъ виѣшше-обрядовымъ церковнымъ обычаямъ преувеличенное значеніе, приравнивая ихъ къ догматамъ вѣры: догматы вѣры онъ мало знаетъ или совсѣмъ не знаетъ, а обрядовые обычаи составляютъ то, что онъ самъ обязательно исполняетъ или видитъ обязательно исполняемымъ, и онъ привыкаетъ полагать въ обычаяхъ самое существо вѣры или принимать ихъ за это существо, при чемъ обыкновенно производитъ ихъ отъ самого Христа и апостоловъ и представляетъ дѣло такъ, будто Христосъ и апостолы установили ихъ въ одномъ, навсегда имѣющемъ оставаться неизмѣннымъ, видѣ. У всѣхъ народовъ низшая необразованная часть людей приравниваетъ обычаи относительно ихъ важности къ догматамъ вѣры **). Но если не имѣеть просвѣщенія цѣлый народъ, тогда цѣлый народъ и впадаетъ въ ту становящуюся его характерною чертою крайность, чтобы приравнивать обычаи къ догматамъ вѣры. Этотъ послѣдній случай и имѣлъ мѣсто съ нашими предками. Если же обычаи суть то же, что догматы и имѣють одинаковыя съ ними важность и значеніе: то недопустимо, чтобы какой-либо обычай могъ одновременно существовать въ нѣсколькихъ формахъ. Какъ всякій догматъ, выражая собою какую-нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина

*) Ниже мы ведемъ нарочитыя и обстоятельныя рѣчи объ одновременномъ разнообразіи и постепенной измѣняемости обычаевъ церковныхъ.

**) Такъ это было напр. и у грековъ, простой народъ которыхъ потому именно, что приравнивалъ обычаи къ догматамъ вѣры, насчитывалъ у латинянъ величайшее множество ересей.

одна и неизмѣняема, ипаче—какъ всякій догматъ не можетъ имѣть иѣсколькихъ видовъ, чтобы утверждать не одно что-нибудь, а одно и другое и третье, напр. что Иисусъ Христосъ есть Богъ и не Богъ, что Онъ есть Богочеловѣкъ и не Богочеловѣкъ: такъ и обычаи, по мнѣнію людей, которые приравниваютъ ихъ къ догматамъ, очевидно, могутъ имѣть только одну неизмѣнную форму. А такимъ образомъ, съ точки зрѣнія людей, приравнивающихъ обычаи къ догматамъ, только одна извѣстная форма какого-нибудь обычая можетъ быть истинною и православною, всѣ же другія формы неистинны и неправославны и совершенно такъ же, какъ несогласіе и разногласіе по отношенію къ догматамъ, представляютъ изъ себя ересь.

Превратный, сейчасъ указанный, взглядъ на обычаи церковные составили себѣ наши предки вслѣдствіе отсутствія у насъ просвѣщенія. Между тѣмъ, какъ сказали мы, взглядъ этотъ, соарѣвъ или установившись, нашель въ дѣйствительности то, что нѣкоторые обычаи продолжали еще оставаться неединообразными у грековъ, а за ними и у насъ, а что другіе обычаи, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще стать таковыми у насъ самихъ; именно—возгласеніе пѣсни аллилуія продолжало еще совершаться у грековъ, а за ними и у насъ, въ двухъ безразлично формахъ сугубленія и трегубленія или двоенія и троенія, а сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, существовать у грековъ въ единообразномъ видѣ троеперстія, у насъ употреблялось еще въ двухъ видахъ двоеперстія и троеперстія. Эта двойственность формы или вида въ одномъ и другомъ случаѣ представляла собою нѣчто невозможное по тѣмъ понятіямъ, которыя составились у предковъ нашихъ объ обычаяхъ, и они должны были одну форму въ обоихъ случаяхъ признать за правильную и православную, а другую форму за неправильную и еретическую. Такъ дѣйствительно они и сдѣлали, какъ должны были сдѣлать по своимъ понятіямъ объ обычаяхъ. Но поднятые у насъ при этомъ споры о томъ, которая въ обоихъ случаяхъ форма есть правильная и православная и которая неправильная и еретическая, кончились тѣмъ, что въ первомъ случаѣ, въ отношеніи къ пѣсни аллилуія, была признана неправильною и еретическою та форма, которая у грековъ впослѣдствіи стала общеупотребительною, а во второмъ случаѣ, въ отношеніи къ сложенію перстовъ, была признана неправильною и еретическою та форма, которая, не ставъ еще общеупотребительною у насъ, уже была, какъ и осталась, общеупотребительною у грековъ. Такимъ образомъ, и составилось у предковъ нашихъ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, привнесли еретическія и погрѣшительныя новшества. При этомъ, на первыхъ порахъ дѣло устроилось такъ, что какъ

будто представители самой греческой церкви давали предкамъ нашимъ право обвинять позднѣйшихъ грековъ въ ихъ мнимыхъ еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествахъ, а случившіяся обстоятельства дали имъ жаждущія основанія производить мнимыя новшества позднѣйшихъ грековъ именно отъ латинянъ.

Своеобразные взгляды нашихъ предковъ на церковные обычаи или, иначе сказать, ихъ своеобразныя богословскія воззрѣнія сложились не вдругъ. Постепенно слагавшись въ теченіе столѣтій, они наконецъ заявили себя и выступили за себя въ началѣ XV вѣка. Со времени принятія нами христіанства и до начала XV вѣка, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, пѣснь аллилуія была возглашаема у насъ, такъ же какъ и у грековъ, безразличнымъ образомъ двугубо и трегубо, но наконецъ представителями нашихъ, успѣвшихъ созрѣть, богословскихъ воззрѣній поднятъ былъ вопросъ: который изъ двухъ способовъ возглашенія есть истинный и православный и который неистинный и неправославный.

Вопросъ впервые поднятъ былъ во Псковѣ, въ правленіе митрополита Фотія *). Не предполагая по своему новообразовавшемуся взгляду на предметъ, чтобы у грековъ могло быть то же, что было у насъ, то-есть чтобы пѣснь аллилуія безразличнымъ образомъ возглашалась у нихъ сугубо и трегубо, псковичи обратились за рѣшеніемъ вопроса къ митрополиту, и этотъ въ посланіи отъ 12 августа 1419 г. приказалъ имъ троеить пѣснь аллилуія **). Приказывая псковичамъ троеить пѣснь аллилуія, Фотій не хотѣлъ сказать того, чтобы двоеіе было неправильно и неправославно, ибо это значило бы ему самому сказать нѣчто неправославное; не хотѣлъ сказать и того, чтобы троеіе было тогда господствующимъ обычаемъ въ Греціи, ибо мы положительно знаемъ, что въ Греціи были тогда въ одина-

*) Что русскія воззрѣнія относительно возглашенія пѣсни аллилуія впервые и прежде всего были заявлены именно во Псковѣ, это, какъ должно думать, было не безъ значенія. Заявлять русскія воззрѣнія и возбуждать соответственные споры, что представляло своего рода протестъ противъ существовавшего порядка, въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, препятствовала и не дозволяла епископская власть, которой естественно было стоять за *statu quo*. Псковъ же находился только въ весьма слабой зависимости отъ архіепископа новгородскаго, что котораго было адѣсь безсилно.

***) Посланіе у *переса*, *Макарія* въ Исторіи, IV, 379, и у *Павлова* въ *Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права*, I, № 48, col. 408 („А еже о аллилуіи на славахъ, — писалъ Фотій псковичамъ, — сице глаголи: Слава Отцю и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь: аллугіа (такая форма слова была у насъ употребительна), аллугіа, аллугіа, слава Тобѣ, Боже; аллугіа, аллугіа, аллугіа, слава Тобѣ, Боже; аллугіа, аллугіа, аллугіа, слава Тобѣ, Боже“).